

На третий день Поль уже съел всех жуков, которых смог найти поблизости. От лебеды осталось всего несколько мелких кустиков, но он не решался их выкопать.

Он снова вытащил из-за пазухи кусок золота, положил его на колени и принялся внимательно разглядывать.

Это захватывающее дух сокровище тяжело давило на его руку — оно весило ровно столько, чтобы изменить судьбу, если у Пола вообще было что-то похожее на судьбу.

Пальцы Пола скользнули по золотой поверхности, и в голове мелькнула мысль:

А что, если забрать его и сбежать?

Этого огромного слитка хватило бы Полу на безбедную жизнь до конца дней, хватило бы, чтобы выкупить себя, купить землю и заново обзавестись женой и детьми.

Эта мысль явилась безо всякого предупреждения и в то же время пригвоздила остатки его стыда к месту.

Пол мог спрятаться, мог подождать до лучших времен —

До каких еще времен?

Пол опустил голову, глядя на золото, на собственные черные ногти, на забившуюся под них вулканическую пыль.

Эта пыль прилетела с Горы Хэйлун, из шахтных заборов, из семнадцати лет каторги Раба-Хворостинки.

Она въелась в его отпечатки пальцев, в поры, в каждый дюйм его кожи, и её было навеки не смыть.

Никаких лучших времен не будет.

Он — Раб-Хворостинка, клеймо выжжено у него на лбу, имя значится в списках, а жизнь и смерть принадлежат сэру Вареле.

Даже если Пол сбежит, убежит на край света — его лицо само по себе станет ориентировкой для розыска.

Любой городской стражник, едва заметив огненный знак на его лбу, сможет схватить его на

месте и отправить обратно на рудники ради награды.

Разве что вечно прятаться от людей, никогда не заходить в города, скитаться по диким местам и жить подобно бродячей собаке — но даже вечное изгнание из человеческого мира рано или поздно закончится гибелью в лапах злых духов.

А если чудом удастся выжить, какой в этом вообще смысл?

Нельзя прятаться.

Нельзя бежать.

Это золото должно стать платой за выкуп его родных.

Обязано стать.

Пол закрыл глаза, подставив лицо лучам солнца.

В лесу стояла тишина, нарушаемая лишь шуршанием ветра в сосновых иголках да доносившимся издали глухим звоном колокола — то ли это был сигнал, сзывающий рабов с работы, то ли звон, призывающий их отправиться на смертный одр, он уже не мог разобрать.

Здесь граница между жизнью и смертью и без того была размыта. А дальняя грунтовая дорога по-прежнему оставалась пустой, на ней не было видно ни души.

На четвертый день живот Пола свело судорогой: невидимая рука сжимала внутренности так сильно, что он не мог разогнуться.

Пол выкопал из земли последние корешки лебеды и запихнул в рот. Выделившийся сок был горьким и терпким, но он не смел расходовать впустую ни единой капли.

Припав к земле за камнем на опушке леса, он не сводил глаз с грунтовой дороги.

По-прежнему никого.

На пятый день он попытался углубиться в лес в поисках хоть какой-то съедобной поживы.

Но вокруг не было ничего: этот лес иссяк настолько, что с деревьев ободрали всю кору — неизвестно, какой доведённый до отчаяния раб сотворил это, и жив ли тот человек теперь.

Ему пришлось повернуть назад, вернуться за тот же камень и продолжить наблюдение за дорогой.

Пусто.

На шестой день удачливый Пол обнаружил мёртвую мышь.

Она уже разлагалась и кишела опарышами, а зловоние сбивало с ног.

Пол долго сидел над ней, после чего закрыл глаза, перевернул тушку и стал вытаскивать червей по одному, отправляя их в рот.

Живые, они ещё извивались у него на зубах.

Не смея даже прожевать, Пол проглотил их целиком, ощущая горлом, как они продолжают шевелиться, опускаясь всё ниже, прямо в желудок.

Затем он завернул остатки гниющего мяса в несколько листьев и спрятал за пазуху — это на завтра.

На седьмой день мясо в листовом свёртке уже почернело, но он всё равно съел его.

Он ел и тут же блевал, а после рвоты ел снова, потому что без еды его ждала неминуемая смерть. Только выходило из него куда меньше, чем попадало внутрь: лишь жёлтая кислая жижа, жгучая, как огонь, выжигавшая горло.

Пусто.

День восьмой.

От голода у Пола начались галлюцинации.

Ему неоднократно мерещились фигуры на дороге, но стоило протереть глаза и взглядеться снова — там не оказывалось ничего.

В какой-то момент ему даже показалось, что посреди дороги стоит Лорен и машет ему рукой.

Стоило Полу проползти вперед пару шагов, как видение растаяло, оставив после себя лишь согнутую ветром травинку.

День девятый.

День десятый.

День одиннадцатый.

Пол перестал отличать день от ночи.

Он просто лежал неподвижно, не отрывая взгляда от дороги: когда накатывал голод, он жевал кусочек коры, а когда мучила жажда, прижимался языком к камню, слизывая ночную росу.

Его тело словно становилось прозрачным, уподобляясь тем, кто уже готовился умереть, готовое раствориться в этой земле.

Этой ночью он услышал вдали шорох.

Звук доносился не со стороны грунтовой дороги, а от бараков.

И тогда Пол, подобно умирающей бродячей собаке, прижавшись к земле, пополз мимо знакомых теней — груды отходов, обрушенной каменной кладки, свинарника из гнилых досок — и добрался до обратной стороны мусорной горы напротив бараков.

Мусорная гора — так её прозвали рабы.

Гора шлака, накопившегося за тридцать лет, гниющих овощных очисток,дохлых крыс и ещё более мерзких вещей.

Днём от неё разило так, что слезились глаза, а по ночам она промерзала насквозь, становясь твёрдой, как железо, но это было ближайшее укрытие, которое Пол сумел отыскать.

Припав к земле, он заглянул в щель между двумя ржавыми листами железа.

Лунный свет был тусклым, но Пол разглядел всё отчётливо.

Из их барака вывалилась чья-то фигура — её не выпустили выйти своими ногами, а именно вытолкали, так что человек едва не рухнул носом в землю.

Это был другой раб из их смены, Пол знал его — звали его Грифин.

Ему было за тридцать, кривой на один глаз, жена умерла на родах два года назад, а ребёнок

тоже не выжил.

С тех пор он жил один, и все знали, что он постоянно заглядывается на женщин, оставшихся без мужей, потому что его единственный глаз всегда горел в темноте звериным хищным блеском.

Обретя равновесие, Грифин повернулся и принялся бранить тех, кто остался внутри барака.

— Воняющая сука, чего ломаешься? Твой муж пропал больше десяти дней назад, небось давно окочурился на Горе Хэйлун! Ещё пара дней, и его признают погибшим, а ты станешь ничейной вдовой, которую всё равно продадут. Так лучше пойти ко мне, чем достаться каким-нибудь старикам...

Из дверей барака вылетела деревянная палка и со смачным звуком врезалась ему в плечо.

Хотя Лэанна исхудала до состояния сухой лучины, рука, державшая палку, не дрожала, словно была отлита из железа.

— Проваливай.

Грифин потирал ушибленное плечо, отступив на шаг назад, но на лице его по-прежнему блуждала омерзительная улыбка.

— Ладно, сильна́. Ухожу. Только запомни — пройдёт три 三三 (тринадцать) дней, и когда эту падаль Пола официально объявят мёртвой, любой мужик в рудниках сможет купить тебя на ночь, хоть на две, на сколько угодно. Даже если станешь умолять меня — и то не возьму...

— Пошёл вон!

На этот раз закричал Лорен.

Девятилетний мальчишка выскочил из-за спины Лэанны, схватил с земли камень и изо всех сил швырнул его в Грифина.

Камень угодил аккурат по ноге.

Разъяренный Грифин молниеносно схватил Лорена за шиворот и приподнял ребёнка в воздух.

— Мелкий ублюдок, жить надоело?

Кулак Грифина обрушился на мальчика.

Лорен тут же рухнул на землю, свернувшись в клубок, но не издал ни единого звука.

У мальчишки был разбит рот, сочилась кровь — в темноте её было почти не разглядеть, но Пол знал, что это кровь, он чувствовал её запах.

— Лорен! — Лэанна бросилась вперед, намертво прижав к себе сына и прикрыв его спину собственным телом.

Когда Грифин с оскалом занес ногу для удара — пальцы Пола уже глубоко впились в угольный шлак.

Хотя ногти у Пола были сорваны напрочь, он не чувствовал боли — ничего, кроме бушующего в груди пожара.

Убить тебя.

Убью, тебя, мразь.

Тело Пола уже пришло в движение, он даже не понял, в какой момент поднялся на ноги. Он знал лишь одно: он должен добраться туда, он обязан убить эту тварь, посмевавшую тронуть жену и сына...

— Хватит.

Раздался другой голос. Это была Марта, жившая по соседству.

Неизвестно когда она появилась на пороге своего барака, держа в руке масляную лампу; её тусклый свет осветил иссохшее лицо старухи, похожее на пергаментную кожу мертвеца.

Марта была родом с Поси, ей перевалило за шестой десяток, а на рудниках она прожила уже сорок лет, перевидав больше горя, чем кто-либо на свете.

Муж Марты погиб, все трое детей умерли, а вслед за ними ушли в могилу шестеро внуков и внучек, но сама она продолжала жить, напоминая иссохший обрубок дерева.

— Думаешь забить его до смерти? Даже если забьёшь, тебе за это ничего хорошего не будет. Убьёшь его — и сэр заставит тебя выплатить компенсацию. Денег нет? Тогда придется расплатиться собственной жизнью.

Нога Грифина замерла на весу.

Он перевел взгляд с Марты на лежащего на земле Лорена, после чего смачно плюнул им под ноги.

— Ладно. Славные вы тут все. Я подожду. Посмотрим, сохраните ли вы такую же гордость, когда эту мразь Пола объявят мёртвым.

Его силуэт растаял в темноте, похожий на поджавшего хвост волка.

Лэанна стояла на коленях, прижимая к груди Лорена. Эльза в этот момент тоже выбежала из барака, плача и обнимая брата за руку.

Но Лорен по-прежнему не плакал: он широко раскрытыми глазами смотрел туда, где скрылся Грифин, вглядываясь в поглотившую его тьму.

Марта подошла ближе, держа масляную лампу, и молча посмотрела на них сверху вниз.

— Заходите внутрь, нечего торчать на улице.

Лэанна подняла на нее голову.

— Он...

Она не договорила, но Марта прекрасно понимала, о чем та спрашивает.

Старуха помолчала немного.

— Прошло больше десяти дней. Если бы он собирался вернуться, давно бы вернулся.

Тело Лэанны качнуло от удара, но тут неожиданно подал голос Лорен.

— Мой папа не умер.

Его голос прозвучал твердо, как камень.

Марта посмотрела на мальчика, ничего не отвечая; ее лицо, похожее на исписанный пергамент, оставалось бесстрастным.

Лорен повторил снова, чеканя каждое слово:

— Мой папа не умрёт.

Затем он высвободился из объятий матери, дошел до порога и сел.

Лорен устроился там, обхватив колени руками, повернувшись лицом к входу на рудник — в сторону той самой дороги, по которой Пол должен был вернуться домой.

<http://bllate.org/book/19072/1873300>